

ВЕРНОСТЬ ДОЛГУ

Афганистан показал много примеров верности своему долгу офицеров и солдат 40 А. Я могу с чистой совестью сказать, что за два года мне ни разу не пришлось столкнуться с трусостью разведчиков или их отказа от выполнения боевого задания. Все те, о которых вы прочитали и читаете в моей книге, с честью шли на выполнение задания. Всякое было: неумение, неопытность, обстоятельства, случай, одного не было — трусости.

Мне особенно запомнился один офицер, сознательно пошедший на смертельный риск ради выполнения задачи. Я не умаляю мужества его товарищей по оружию, просто это был наиболее яркий пример самопожертвования ради успеха выполнения задачи.

Старший лейтенант С. Карасев,
командир дшв

Старший лейтенант Сергей Карасев, командир десантно-штурмового взвода роты И. Плосконоса. Высокий, красивый парень 24 лет, холостяк, единственный сын у матери. Прослужил в разведывательном батальоне недолго — 2 месяца. Пришел к нам на до-

укомплектование после каких-то очередных штатных изменений из спецназа.

2 омсб (177 ооСпН), где он служил, стоял в Пандж-шере, на одном из самых опасных мест в Афганистане, поэтому перевод в Кундуз был для него реальной возможностью выжить, хотя и у нас было несладко. Он был уже опытным офицером-разведчиком, до замены ему оставалось полгода, был награжден медалью «За боевые заслуги». За те два месяца, что я его знал, он показал себя умелым и мужественным офицером. Ему часто доверяли самостоятельные задачи, связанные с немалым риском, которые он всегда успешно выполнял.

В тот роковой вечер 31 августа 1983 года я лично ставил ему задачу на проведение засады в предгорьях у Ханабада. Целью было перехватить на дороге группу главаря Мулло Исхака, которая по разведанным должна была ночью прибыть в Ханабад. Банда была небольшая, человек 20–25, но активная и, как мы говорили, — «злая». За ней числилось несколько нападений на колонны, обстрелы гарнизонов и минирование дорог.

Задачу эту я получил внезапно, где-то часов в 17 этого дня, хотя обычно подготовка к боевому выходу была около суток, а тут на все про все — 6 часов. Карасев со своим взводом утром вернулся с боевого задания, они помылись и отдохнули, а тут новое задание. В этом не было чего-то особенного, и такое случалось часто.

Мы обговорили все вопросы взаимодействия, и я послал вместе с Сергеем своего переводчика Намоза Якубова, так как нам привезли проводника-афганца, местного жителя, знавшего район и место засады. Дальше я рассказываю словами Намоза, непосредственного участника этого боя.

«...выехали мы на двух БМП, к полуночи достигли предгорий, там спешились, бронегруппа осталась на мес-

те, а мы дальше пошли пешком к месту засады, до которого было еще километров 5. В пешей группе кроме нас, двух офицеров, было еще 12 солдат и сержантов и проводник-афганец. Ночь была лунная, шли мы быстро и вскоре достигли дороги, уходящей в горы. Слышу, впереди какая-то возня, возгласы. Через пару минут дозор тащит какого-то афганца.

Мы с Сергеем быстро его допрашиваем: это местный крестьянин, идет в кишлак недалеко от Ханабада. Сообщает, что недалеко отсюда, в 1,5–2 километрах, в поле отдыхают 15 человек душманов из банды Гуляма Сохи. Днем они косили пшеницу на земле главаря и теперь отдыхают после трудов праведных. Все они с оружием и выставили посты охраны. Сергей принимает решение совершить налет на банду.

В дозор вместе с захваченным крестьянином посылает самых опытных: разведчиков Немата Шерова, Анатолия Шабанова, Степана Киселя. Через полчаса те увидели костер и около него двух вооруженных душманов. Далее стояла большая палатка, в ней видимо спали остальные члены банды. Несколькими выстрелами из бесшумного оружия часовые были убиты.

Группа рванулась к палатке, но вдруг раздался выстрел и Карасев упал. В стороне, в стоге соломы спал еще один бандит, которого никто не заметил. Он при свете костра видимо различил офицера, Карасев тоже его увидел, но тот выстрелил первым. После этого выстрела поднялась бешеная стрельба, бандгруппа была почти полностью уничтожена, взяли трех пленных, один из которых был ранен в руку. Мы вызвали по радио к себе бронегруппу, погрузили на БМП раненого Сергея, пленных и трофеи, и на максимальной скорости рванулись в Кундуз. Сергея мы привезли уже мертвым..»

Так погиб Сергей Карасев. Судьба, рок. Видимо уже так ему было написано на роду. Прослужить 1,5 года в Панджшере, подвергая себя постоянному риску и погибнуть за полгода до замены на относительно «тихом» задании.

К тому же, никто не заставлял его нападать на спящих душманов. Задание у него было другое и никто бы его не осудил, если бы он, сославшись на приказ, пошел бы в район засады, добросовестно просидел там ночь, а утром вернулся ни с чем. Однако офицерская честь не позволила ему уклониться от боя и пройти мимо.

Сергей Карасев посмертно был награжден орденом Красного Знамени, на его родине в г. Раменское Московской области школа, в которой он учился, названа его именем.

По показаниям захваченных пленных мы на следующие сутки нанесли несколько удачных авиаударов, разбомбив «духовскую» базу и несколько складов с боеприпасами. А ханабадских бандитов Мулло Исхака и Гуляма Сохи мы уничтожили где-то через полгода.

ДЕСАНТ В ИШКАМЫШ

Уезд Ишкамыш был головной болью властей провинции Баглан. Расположенный в предгорьях в стороне от основных дорог, он оказался почти идеальным местом, где душманы абсолютно спокойно жили и действовали. Дело в том, что ни в уездном центре, ни тем более в кишлаках гарнизонов МВД или ВС ДРА не было.

В соседнем уезде Нахрин, почти в каждом кишлаке были гарнизоны. А тут — пустота. Обстановка там была проста — никакой власти, точнее она конечно была, но это была власть моджахедов. Туда время от времени приходили правительственные силы, но результатов не было, так как пока они добирались туда душманы спокойно уходили в горы.

Наконец до властей дошло, что этот район бесконтрольным держать нельзя, а может до этого просто не было сил, т.к. в самом провинциальном центре г. Баглан, обстановка контролировалась с трудом. Однако все же было принято решение разместить в уездном центре — кишлаке Ишкамыш органы власти, пехотный батальон 20 пд и роту МВД «Царандой». Нашей дивизии была поставлена задача все это воплотить в жизнь.

Об обстановке в Баглане хорошо говорить в самодельной песне неизвестного автора — солдата или офицера 149 гв. мсп, в чью зону ответственности этот город входил.

*Шайтан-арба шурует по Баглану.
Комбат небритый курит на броне.
Он не боится – все идет по плану,
Он курит и подмигивает мне.
Но тут внизу рванула мина,
В ней аммоналу 40 килограмм,
Ой не увижу больше мамы милой...
И полетел я к черту в тарарам.
– Постой, кричу я башне, – железяка.
Куда летишь? Ведь ты не ероплан,
Мне надо в Южный,
А ты несешься в Северный Баглан.
Баглан Центральный, Северный и Южный,
Кундуз, Даври-Рабат и Талукан.
И Ханабад, и никому не нужный
Кишим, и вновь бушующий Баглан!!!
В холодном весь поту я просытаюсь.
И удивляюсь, что лежу живой.
Я плачу, слез своих я не стесняюсь,
И по-собачьи проскулил: «Хочу домой!»*

Хотя подготовка к операции велась в условиях секретности с минимальным привлечением советников, а те в свою очередь не информировали своих подопечных, о предстоящей операции, душманы узнали о ней своевременно. Через провинциальные органы власти, где чуть ли не каждый второй был их информатором, это им стало известно буквально на следующий день после принятия решения.

Поэтому при разработке плана операции, «изюминкой» замысла было высадка вертолетного десанта непосредственно около уездного центра и на путях возможных отходов бандформирований.

Основу десанта составил разведывательный батальон. Однако, батальон — громко сказано, в десантной группе было около 120 разведчиков. А это чуть больше нормаль-

ной роты. Как и всегда, комдив дал небольшое усиление: взвод 82-мм минометов, взвод саперов и поручил мне возглавить десант.

Считаю, что организация взаимодействия в десанте — самое основное. Там должно быть все расписано по минутам, каждый должен четко знать и уметь выполнять свои обязанности. Ведь некогда, да и невозможно в ходе высадки рассказывать что, кому и как делать. Кроме того, необходимо расписать личный состав, вооружение, боеприпасы по вертолетам, рейсам, пунктам посадки и высадки. А то получится, солдаты в одном вертолете, командиры в другом, минометы выгрузят, а мин к ним нет, и так далее. Необходимо поставить конкретную задачу каждой роте, взводу, отделению. После высадки из вертолетов, все должны немедленно выполнять задачу, причем высадка может происходить и под огнем душманов.

Десант в неизвестность

Аэродром Кундуз,
осень 1983 г.

Поэтому, весь день ушел на организацию взаимодействия с авиаторами, постановку задач своим, приданным и поддерживающим подразделениям. Провели смотр, после которого я доложил комдиву о готовности десанта.

Ночью, задолго до рассвета мы сосредоточились на аэродроме Кундуз на площадках посадки в вертолеты. Вся наша бронированная техника уже вышла с командиром батальона и к 15:00 должна была прибыть в назначенный район, который мы должны были к тому времени захватить.

Я, как и положено командиру десанта, находился в первой группе высадки.

Сначала поднялась эскадрилья вертолетов огневой поддержки МИ-24. Они должны были нанести удары по районам высадки и обеспечить огнем наш десант.

Минут через 15 поднялись и мы. Полет и высадка прошли успешно. Все произошло для «духов» настолько внезапно, что организованного сопротивления никто не оказал. Большую роль сыграло то, что произошло все это на рассвете и в считанные минуты.

Рядом с одной из площадок высадки обнаружили пулемет ДШК китайского производства на тренажном станке с заряженной в него лентой с патронами. Видимо, расчет не успел добежать до него, а может просто струсил.

Это ведь только в фильме «Рембо-3», герой Сталлоне под авиаударом бросается к точно такому же пулемету, открывает огонь и сбивает вертолет. В жизни обычно наоборот — все разбегаются и прячутся. Так случилось и в этом случае.

Далее все пошло по плану. Десантные группы после высадки стали окружать кишлак, боевые вертолеты открыли огонь по предгорьям, куда убегали кто в чем и душманы, и просто местные жители. Видя, что по открытому полю далеко не уйдешь, они стали останавливаться, сбиваться в кучи, пряча и бросая оружие, боеприпасы, документы.

Задача была выполнена — мы захватили больше 200 человек. Их собрали в кучу, выставили охрану и начали «чистку» кишлака. Сам кишлак Ишкамыш был большой, да и рядом с ним было еще много мелких кишлаков. Построив солдат в цепь, я дал команду прочесать все дворы. Всех местных жителей собрать на окраине: мужчин, женщин и детей, стариков — всех отдельно. Отдельные группы искали схроны.

С последней партией вертолетов прилетели человек 50 афганцев из ХАД, они в основном занимались поиском тайников и схронов. Грабеж они вели неприкрытый. Они были в национальной одежде, а не в военной форме и, как люди опытные, они на такие действия одевали обноски, чтобы потом одеться прилично.

И действительно, через пару часов они, похожие ранее на оборванцев, были одеты уже во все новое, у каждого мешок с награбленным. Мы в их дела не вмешивались, сами смотрели за солдатами, которые тоже не прочь были разжиться на халяву. Правда, солдатам шмотье было не к чему, их интересовали часы, всякие безделушки, сигареты.

Меня же интересовало только оружие и боеприпасы. И здесь улов был богатый. Мало того, что мы нашли бро-

шенное в поле оружие, но и в домах, дуканах, чайханах — везде лежало брошенное оружие. Было обнаружено даже несколько дуканов, где продавались патроны. Они лежали в больших плетеных корзинах, ящиках и просто кучами и кучками. Сколько их было, трудно сказать, но не менее чем 30-40 тысяч. Были оружейные мастерские, где находилось неисправное оружие. Но ведь основная часть его приводилась в порядок и воевала против нас. Всего же мы захватили более 250 единиц стрелкового оружия, нашли еще один ДШК, кроме того, что захватили при высадке.

В назначенное время подошла бронетехника. С ней прибыли еще афганцы, человек 100 и грабеж возобновился с новой силой. В нашей колонне пришел их «Урал», они его нагрузили так, что он весь перекосячился. Причем, если военную форму и предметы военного снаряжения они отбирали вполне законно, то все остальное — уже экспромтом.

К полудню подошла еще одна колонна нашей дивизии вместе с комдивом. Я доложил ему обстановку и результаты действий десанта. Потерь у нас не было, о трофеях я уже говорил. Шаповалов одобрительно похлопал меня по плечу и отпустил.

Остаток дня и всю ночь я с переводчиком допрашивал пленных и задержанных. Далекое не все там были мирными жителями. В бою были захвачено несколько групп душманов, человек до сорока, оказавших нам яростное сопротивление. Некоторые не скрывали своей ненависти к нам, и узнать у них практически ничего не удалось. После допроса я передал их афганцам. Там у них было что-то вроде военно-полевого суда, и они быстренько с ними разобрались. Где они их расстреливали я не видел, но начальник ХАДа Таджмамад сказал, что они уже никогда не будут с нами воевать. Там я увидел все жестокости гражданской войны.

Хотя душманы были для нас врагами, но особой ненависти к ним, честно говоря, я не испытывал. Лично мне и моей семье никто из них плохого ничего не сделал, так же как и всем нашим.

А у афганцев было совсем другое дело. Там между ними была кровь и кровь немалая.

Я знал одного ХАДовца по имени Гулям Хайдар, так у него не то что семья, а весь его род — 52 человека, включая женщин и детей, был истреблен главарем Шафиком. Когда он попал к душманам в плен, ему отрезали губы, привязали к столбу и били палками до смерти.

Живым он остался абсолютно случайно. Ходил с подвязанным на месте рта черным платком, там у него были обнаженные зубы как у черепа. О его жестокости ходили легенды. Сколько он убил душманов, знал только он один. Он поклялся убить Шафика, не знаю, выполнил ли он свою клятву или погиб сам. И таких афганцев было много с обеих сторон.

Война набирала обороты и стремительно росла численность, в нее вовлеченных. Вольно или невольно, мы, абсолютно посторонние в этом противостоянии люди, тоже становились для них непримиримыми врагами. Прилетали самолеты и вертолеты с красными звездами, наносили удары по их кишлакам, гибли их жены, родители, дети. Они нападали на наши колонны — погибали наши друзья. Мы отвечали им обстрелами, карательными акциями. Создался замкнутый круг всеобщей ненависти и презрения. Страшно все это. А какой удар по психике молодого парня, вчерашнего школьника которого мать еще вчера заставляла умываться?

Когда-то, еще после Первой мировой войны немецкий писатель Эрих-Мария Ремарк, говоря о таких вот мальчишках, ввел новое понятие — потерянное поколение. Потерянное потому, что на войне они стали старше на

десяток лет и, вернувшись домой, не могли уже жить, так, как их ровесники.

Может быть, это не так сильно отразилось на поколении наших отцов, переживших Великую Отечественную. Там была общая беда и общее горе. Здесь же, воины-интернационалисты, как стали называть «афганцев», возвращались в абсолютно мирную страну, где никто даже не догадывался, что они вернулись с самой настоящей войны. Мне в этом отношении повезло, я там был уже устоявшимся взрослым мужиком в 36-37 лет. А каково было мальчишкам в 18-20 лет? Однако, как бы там ни было, раз ввязались в войну, надо было воевать.

В Ишкамыше мы действовали еще недели две. Наши подразделения лазили по горам, искали мифические базы подготовки террористов. Душманы же ушли далеко в горы, часть их растворилась среди местного населения, они получили хороший урок и изредка давали нам свои уроки.

В один из этих дней, точно дату уже не помню, БТР в котором ехал я, точнее командно-штабная машина Р-145 разведбата, подорвалась на mine в 1–2 км от базового лагеря, где мы стояли, на полевой дороге.

Помню как сейчас, что БТР сначала буквально встал на дыбы, потом нечеловеческой силы удар по корпусу машины, резкий запах сгоревшего тротила. Сознания я не терял, но в ушах моментально как будто включился какой-то звуковой генератор — сплошной вой, больше ничего не слышу. Встряхнувшись, я закричал водителю — «Живой?». Что он ответил, я не услышал, однако по губам и по лицу вижу, что живой. Выскочив через верхний люк наружу, я заглянул в открытый люк отсека радистов и понял, что там обстановка хуже. Оба радиста лежали на дне без сознания.

Тем не менее, нам серьезно повезло. Наш БТР наехал задним левым колесом на противотранспортную мину, ус-

тановленную на обочине дороги. При повороте направо, задняя левая часть машины выехала на обочину и «нашла» эту проклятую мину, установленную неизвестно кем и когда.

Взрывом оторвало заднее левое колесо вместе с подвеской, тягами, трубопроводами, но броневой корпус не пробило. Броня выдержала удар (спасибо ей) и осколочных ранений и ожогов мы не получили, однако все были контужены в различных степенях тяжести. Больше пострадали радисты — их отсек был рядом с местом взрыва, а я и водитель отделались легче.

Радистов немедленно эвакуировали в полевой медсанбат, водитель остался с машиной, которую тоже эвакуировали в рембат. Я же, пересев на БТР разведбатальона, продолжил свой путь. До вечера я практически ничего не слышал: в ушах шумело и завывало, подступала тошнота. К ночи слух более или менее наладился.

Конечно, мне надо было бы тоже поехать в медсанбат, баротравма барабанных перепонки и сотрясение мозга были явные. Но я сразу сгоряча отказался ехать, позже уже было это сделать как-то неудобно. Да и негоже было командиру покидать своих подчиненных в боевой обстановке.

Надо сказать, что уже через много лет, в 2009 году, изучая «Книгу памяти советских военнослужащих, погибших в Афганистане» я неожиданно нашел в ней своего преемника в 88 мсд (Кушка) — майора Александра Марина, погибшего в июне 1984 года на точно таком же подрыве в провинции Герат.

Александр, служивший при мне начальником разведки 479 мсп в Иолотани, после моего отъезда в Афганистан, был назначен вместо меня, а через год заменен в 5 мсд. Прослужил там всего два месяца — и вот такое дело. Видимо такая у него судьба, и никуда от этого не денешься.

Я позднее понял, что, возможно, напрасно не воспользовался правом получить справку о боевой контузии, которая бы в последующей жизни мне очень пригодилась. Хотя, надо сказать, что от отца-фронтовика еще в детстве слышал — не надо обманывать судьбу: жив остался — благодари Бога и не хитри!

По этому поводу, хочу вспомнить случай, произошедший через 3–4 месяца после моего подрыва с заместителем начальника политотдела дивизии подполковником М., назовем его так.

Прихожу я в столовую на обед. Смотрю, М. сидит за столом, голова перевязана бинтом. Прямо чистый Василий Иванович Чапаев. Спрашиваю, что случилось? Отвечает, что был ранен при обстреле колонны. Ранение касательное, рассекло только кожу. Ну ладно, ранен так ранен, с кем не бывает?

Посочувствовал ему, да и пошел по своим делам. Однако в этот же день офицеры разведбата рассказали мне подлинную историю его ранения.

А в действительности случилось вот что. Наша колонна, в составе которой был взвод разведбата, была обстреляна «духами» перед кишлаком Алиабад недалеко от Кундуза. Колонна двигалась по узкой дороге: справа отвесная стена, слева обрыв. Внизу — река Пули-Хумри.

Обстрел начался из кишлака, расположенного на другой стороне реки. Естественно, что машины увеличили скорость, пытаясь быстрее выйти из зоны обстрела. БМП охранения развернули башни влево и открыли огонь по кишлаку. Водители же встречных афганских машин, как это всегда они делали в подобных случаях, побросали свои машины на дороге и укрылись в кюветах, пережидая обстрел. Одна из БМП разведбата, обходя такую брошенную машину, зацепила за нее стволом пушки, башню от этого развернуло по ходу движения. Двое солдат и прапорщик — старшина роты этим стволом пушки были сброшены с

брони на асфальт. Прапорщик при падении сломал руку, один солдат рассек кожу на голове и лице, другой отделался легким испугом. Машины остановились, подбежал санитар, начал оказывать первую помощь пострадавшим.

Подъехал на БТР М. Решил узнать, что произошло. Подошел, увидел окровавленного солдата, упал в обморок. При этом стукнулся головой о БМП и рассек кожу на голове. Его привели в чувство, перевязали рану на голове и колонна тронулась. Вот и все приключение.

Однако, прибыв в гарнизон, М. доложил начальнику политотдела, что он был ранен при обстреле колонны. Тот его отправил в медсанбат. Там осмотрели эту пустяковую рану, разбираться не стали и сходу дали справку о боевом ранении. Да и кто будет опровергать заместителя начальника политотдела дивизии! А начальник политотдела тут же написал представление на награждение М. орденом Красной Звезды за пролитую в бою кровь.

Вот так, смех-смехом, а получил человек орден и справку о ранении за глупую царапину, которую практически сделал себе сам. Представляю, какие небылицы о своих подвигах в Афганистане он рассказывал в СССР. И люди, уважительно глядя на его два ордена Красной Звезды и нашивку за ранение, будут ему верить.

Продолжая тему боевых ранений, хочу сказать, что далеко не все наши военнослужащие были ранены душманами. Много ранений было и от собственной артиллерии, и от авиации.

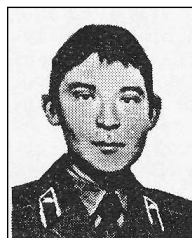
Так, например, замполит разведывательно-десантной роты разведбата старший лейтенант Николай Стрельчук в боях был ранен 3 раза, причем из них два раза — своими. Этого никто не скрывал. Тем не менее, Стрельчук за пролитую кровь был награжден орденом Красного Знамени и орденом Красной Звезды. И никто здесь ничего против сказать не может. Ранен был в реальном бою, а уж кто его ранил — не его вина.

Возвращаясь к Ишкамышской операции нашей дивизии, хочу привести один из примеров неудачных действий разведывательного дозора, который я наблюдал утром 03.02.1984 года у кишлака Фулоли-Пайн-Бала.

Разведывательный дозор — часть 2 роты, в составе танка Т-62Д, одной БРМ и трех БМП вел разведку противника впереди нашей колонны. Утро было туманное, видимость 500–600 м, потому прикрытие с воздуха отсутствовало.

По сложившейся практике, техника никогда не подходила к окраине населенных пунктов, пока они не были проверены пехотой. Это было необходимой предосторожностью от огня противотанковых гранатометов.

А тут дозорная машина вдруг пошла прямо к окраине. И наказание пришло моментально. Выстрел из безоткатного орудия сразу же поджег машину. Граната попала в

Танкисты 2 пр 783 орб, погибшие в бою 03.02. 984 г.
у кишлака Фулоли-Пайн сержант Р. В. Гайнуллин,
рядовые С. А. Крамчанинов и А. А. Алексеев

моторное отделение, экипаж и десант, сидевший на крыше десантного отделения, прыгнули на землю и укрылись в промоине.

Командир дозора капитан Г. Фищук (командир 2 роты) вызвал артиллерийский огонь по окраине кишлака. После короткого артналета, он отправил к горевшей БМП танк. Все было спокойно, только рвались снаряды и патроны в БМП. Вдруг опять выстрел и танк вспыхнул, взорвался боекомплект, погиб экипаж.

Все это произошло на моих глазах, я знал лично командира танка сержанта Р. Ф. Гайнуллина, заряжающего рядового С. А. Крамчанинова, наводчика А. А. Алексеева. Забегая вперед, хочу сказать, что бывая 9 мая в музее Великой Отечественной войны, в павильоне, посвященном Афганистану я всегда подхожу к стенду, где есть фото Крамчанинова, уроженца Одесской области и вспоминаю этот бой.

Командир роты, наконец, догадался остновить дозор, спешить часть разведчиков и отправить их в обход кишлака в тыл моджахедам. Однако, те, увидев для себя опасность, стали уходить в ущелье. Удалось их только обстрелять, правда, 82-мм безоткатное орудие они бросили.

Таким образом, мы потеряли 3-х человек (экипаж танка), сам танк и БМП. Вот к чему привела самонадеянность командира и пренебрежение к противнику. Кроме того, в тот же день огнем нашей же артиллерии были

серьезно ранены старшие лейтенанты Шапкарин и Стрельчук. Попал под пулеметный огонь и был ранен двумя пулями техник 2 роты прапорщик Сергей Сонин.

После этой операции, я пришел к выводу, что длительные действия в определенных районах эффекта не дают. Приносят успех мощные удары авиации и вслед за ними – десантно-штурмовые действия. И все! Дальше новая подготовка и новая операция. И так все время.

А рейды в горах в пешем порядке — анахронизм. Даже в гражданскую войну в горах действовали горно-кавалерийские части. Это понимали все, в том числе и комдив, но не мы определяли характер операций в Афганистане.

Бесцельные блуждания же по горам наносили только вред: мы несли потери, выматывали людей, вносили психологический элемент неуверенности в способность эффективно бороться с бандформированиями. Тому есть множество примеров.

Так, буквально через неделю — 8–9 февраля, 2 рота 395 мсп действовала в горах восточнее Ишкамыш в поисках мифичного учебного центра «духов». Сведения были получены от пленных, не проверялись другими источниками, воздушная разведка не велась. Однако, было принято решение осуществить разведывательно-поисковые действия, причем для их ведения была назначена не разведывательная рота полка, а линейная мотострелковая рота.

Как оно почти всегда бывает, на подъеме рота растянулась по тропе, головной взвод, под командой лейтенанта Гадецкого, оторвался вперед метров на 300–400 от основных сил.

Выйдя на перевал, дозор, 4 человека, был внезапно обстрелян небольшой группой «духов», при этом один солдат был убит, сержант тяжело ранен в голову, один, раненый в ноги, солдат спрятался за валун и открыл огонь по нападавшим, другой, абсолютно целый, побежал вниз

от места боя. Душманы, видя, что их засада не достигла цели, отошли, т.к. видели сверху, что на перевал поднимается еще до 60 человек.

Удравший с места боя солдат, подбежав к Гадецкому, доложил, что дозор попал в засаду, все погибли и душманов там видимо-невидимо. После этого они уже всем взводом побежали вниз. Вышли к главным силам роты, Гадецкий доложил командиру роты и вот уже вся рота рванула где-то на километр назад.

Тем временем начало темнеть, вскоре наступила ночь. Тогда командир 395 мсп подполковник Мазур принимает решение направить в район боя разведроту полка. Разведрота выполняла задачу в другом районе и пока ее доставили в новый район действий уже наступил рассвет. А 2 мср сидела всю ночь на месте и неизвестно, чего ожидала.

Разведчики под командой капитана Волика, командира разведроты, поднялись на перевал, обнаружили там наших солдат. Живым был только один, раненый сержант ночью умер, солдат отморозил обе раненые ноги и двигаться не мог. Командир же 2 роты валил все на Гадецкого, тот на сбежавшего солдата.

Солдат оправдывался тем, что очень испугался, ему показалось, что стреляют отовсюду десятки душманов. На вопрос, почему командир роты не организовал разведку после случившегося и не попытался выручить дозор, тот сказал, что боялся новых потерь и фактически пожертвовал дозором, чтобы спасти роту.

В Великую Отечественную за такие действия эти офицеры немедленно были бы направлены в штрафной батальон, но так как в 40 А таковых не было, ограничились для них дисциплинарными наказаниями.

Капитан
В. В. Волик,
командир
разведроты
395 мсп

Командира роты сделали командиром взвода, а Гадецкого куда ниже? Он, кстати, ранее был командиром взвода у нас в разведбате, но я его оттуда убрал из-за высокомерного отношения к солдатам и тяги к рукоприкладству. Убрал, причем для сохранения его же жизни, так как в один прекрасный день он бы получил пулю в спину. Такое в Афганистане случалось.

Кстати, как мне рассказывали: летом 1987 года так был убит командир разведывательно-десантной роты в разведбате. Убийц не нашли.

Развивая эту тему, расскажу об одном случае, произошедшем в парке боевых машин разведбата после возвращения с операции в Ишкамыше.

Идет обслуживание техники. Я и командир батальона Тихонов стоим около боевых машин и что-то обсуждаем. Вдруг раздается очень глухой взрыв, больше похожий на выстрел. Смотрю, от машины МТО (машина технического обслуживания на базе ЗИЛ-131) с диким криком бежит солдат. Его догнали, повалили. А у солдата... нет руки по локоть. Хлещет кровью. Затянули жгутом, немедленно отправили в медсанбат, находившийся в 300 м от парка. Там срочная операция, все обошлось нормально. Начинаем разбираться, что же произошло?

У ЗИЛа разворочен взрывом бензобак, вырвано днище. Но возгорания бензина не произошло, хотя вся земля под машиной мокрая от него. Начали просеивать грунт под машиной, нашли осколки от наступательной гранаты, кусочки костей и мышц от руки солдата.

Позже этот солдат, механик-водитель БМП, рассказал: « Я подошел к водителю МТО и попросил полведра бензина для обслуживания двигателя. Он дал мне ведро и шланг и сказал взять бензин из бака. Я открыл крышку бака, оттуда торчал конец бинта. Потянул за этот бинт, он сначала пошел, потом за что-то зацепился и я не смог его

Злополучное место высадки (с ошибкой на 17 км от расчетной) и ход самой высадки десанта. На дальнем плане сбитый МИ-8.
(Снимок сделан летчиками 254 овэ 17.06.1986 г.)

вытащить. Тогда я запустил руку в бак и нащупал на дне какой-то предмет. Хотел его вытащить – но тут взрыв!»

Дело, видимо, обстояло так. Кто-то, взяв гранату, примотал ее предохранительную скобу бинтом к корпусу, вытащил чеку и в таком виде положил на дно бака с бензином ЗИЛа. Конец бинта прижал крышкой бензобака. Расчет был на то, что, при движении машины, граната будет елозить по дну бака, бинт размотается и сработает взрыватель. Но этого не произошло, так как бинт зацепился за какой-то заусенец в баке. И граната взорвалась только после того, как ее пытались вытащить.

Того, кто положил туда гранату, так и не нашли. Скорее всего, кто-то из молодых солдат, чтобы отомстить водителю-старослужащему. А пострадал совсем невинный человек. При официальном же разбирательстве свалили все на душманов: мол, диверсия, теракт. Это было

наиболее удобно для командования, так как не надо было возбуждать уголовное дело и искать виновного. Однако я до сих пор уверен, что моя версия — правильна.

Завершая свой рассказ о Ишкамышской операции 1984 года, хочу добавить, что через два года, 17.06.1986 г. 783 орб опять был десантирован в район населённого пункта Ишкамыш с задачей штурма укрепленной базы душманов, которыми командовал известный полевой командир Кази Кобир. Батальон должен был уничтожить формирование моджахедов и захватить склады с оружием. Однако в этот раз все прошло не так гладко.

В связи с ошибкой вертолетчиков, батальон был высажен в 17 км от запланированной точки высадки непосредственно на огневые средства противника. В образовавшемся котле батальон попал под шквальный огонь с сопредельных высот. Один вертолет был сбит. В ходе ожесточённого, продолжительного боя погибло 21 и ранено 40 человек личного состава батальона и приданных ему подразделений. Тяжелое ранение в голову получил командир батальона капитан Корытный Петр Васильевич, командовавший батальоном с марта 1985 г, после гибели в Баглане предыдущего командира майора С. В. Козлова

Это был уже второй случай крупных потерь в батальоне после 03.08.1980 г., но, к счастью, уже последний в афганской войне. Вертолетчик, по вине которого была допущена ошибка высадки, получил 10 лет тюрьмы. Но разве это оживит погибших?